

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

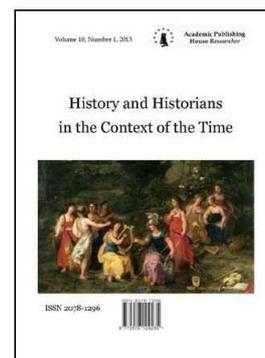
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 14, Is. 1, pp. 31-38, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.14.31

www.ejournal3.com

UDC 94(470)"19/..."

The Evolution of the Political System in Stavropol Governorate in 1917

Sergey A. Oreshin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
Lomonosovsky Avenue, 27, building 4
department of history, Moscow, 119991
Post-Graduate student
E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Abstract

This article addresses the transformation of state governance in Stavropol Governorate subsequent to the victory of the February Revolution of 1917 and the making and evolution of post-Revolutionary bodies of state authority. Based on archive materials and press publications, the author brings to light the process of creating new institutes of authority and analyzes their social composition and their interrelationship. Special attention is given to the activity of the committees for social security – bodies of self-government that were created by the liberal general public in the spring of 1917 and aspired to run the region – and their operation within the governorate in parallel with the bodies of authority of the Provisional Government. The author comes to the conclusion that the lack of consistency in the actions of the new bodies of authority and their renunciation of social reform for peasants led to the radicalization of the latter, which facilitated the triumph of the proponents of Soviet authority in the governorate in late December, 1917.

Keywords: February Revolution; Stavropol Governorate; national-state building; committees for state security; Stavropol Governorate Commissariat; Councils of Peasant Deputies.

Введение

Февральская революция 1917 г., главным итогом которой явилось свержение самодержавия, оказала огромное влияние на историческое развитие нашей страны в целом и отдельных ее регионов в частности. Демократизация политического режима, активизация общественно-политической жизни ознаменовались попытками изменения со стороны различных политических сил, претендовавших на участие в управлении, государственного устройства как в центре, так и на окраинах, в том числе на Северном Кавказе. Перемены затронули и Ставропольскую губернию – регион, географически относящийся к Кавказу, однако имевший ряд особенностей социально-экономического, этнического и политического характера, сближавший его с внутренними губерниями Российской империи, что оказало влияние на ход процессов государственного строительства в регионе после свержения самодержавия, которые привели к коренной трансформации всей политической системы в губернии.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют документы центральных и местных государственных архивов, посвященные созданию центральных и местных органов власти в Ставропольской губернии после падения монархии в результате Февральской революции 1917 г., позволяющие понять, какие социальные силы принимали наиболее активное участие в государственном строительстве в крае, как протекала политическая борьба по одному из ключевых вопросов революции – вопросу о власти на Ставрополье, какую роль в этих процессах играло центральное правительство, что представляла собой форма государственного правления и государственного устройства в Ставропольской губернии в 1917 г., в каком направлении она эволюционировала и почему, в конечном итоге, в конце 1917 г. в регионе была установлена советская власть. Используются и опубликованные документы, не нашедшие отражение в трудах предшествующих исследователей, а также материалы губернской прессы того периода, в которых затрагиваются вопросы политической борьбы в губернии и деятельности органов государственной власти в центре и на местах.

В работе используются сравнительно-исторический метод, позволяющий выделить и сопоставить черты, свойственные политической системе Ставропольской губернии в 1917 г. в целом и отдельным органам государственной власти, возникшим на протяжении указанного времени, проследить ее эволюцию на протяжении марта – декабря 1917 г., а также историко-системный метод, позволяющий рассматривать трансформацию политической системы Ставрополья в 1917 г. как составную часть процессов преобразования политической системы России в период революции и Гражданской войны.

Обсуждение

В отличие от соседних регионов Северного Кавказа, Ставрополье представляло собой край с преобладанием восточнославянского (по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. русские, украинцы и белорусы составляли 91.8 %) православного (эту религию исповедовало 89.2 % жителей губернии) населения, занимавшегося преимущественно крестьянским трудом (81 % ставропольцев принадлежал к крестьянскому сословию), уровень жизни которого превышал среднероссийский показатель [1].

В политическом отношении Ставропольская губерния представляла собой единственный район Северного Кавказа, не входивший в состав Кавказского Наместничества, а поэтому управление ею было идентично существовавшему в Центральной России. Во главе региона стоял губернатор, назначавшийся императором, который осуществлял высшую административную власть и возглавлял губернское правление, располагавшееся в Ставрополе. В административно-территориальном плане губерния делилась на пять уездов, а также т.н. «территорию кочующих инородцев», занимаемую туркменами, ногайцами и калмыками. Уезды делились на волости, волости состояли из сельских обществ, включавших в свой состав села и деревни. В городах и сельских населенных пунктах существовало местное самоуправление, в 1913 г. появились губернские и уездные земства.

События Февральской революции, ставшие полной неожиданностью для этого отдаленного края, привели к изменению всей системы управления. В условиях возникшего в начале марта 1917 г. «вакуума власти», когда старые органы власти были деморализованы, а новые, в лице Временного правительства, находились в процессе становления, инициативу создания новых властных институтов взяли на себя представители либеральной общественности, прежде всего, лидеры городского и земского самоуправления, выражавшие интересы торгово-промышленной буржуазии, средних слоев города, интеллигенции, стремившиеся на протяжении дореволюционного периода играть более активную роль в политической жизни России и ее регионов, в частности, участвовать в формировании органов управления. Февральская революция предоставила им этот шанс.

4 марта 1917 г. Ставропольская городская дума поддержала произошедшую революцию и решила провести собрание представителей горожан по созданию комитета для защиты порядка и безопасности в городе. В нем предполагалось участие представителей предприятий, учреждений, общественных организаций и гарнизона Ставрополя. В ходе этого заседания, состоявшегося 5 марта, был избран комитет общественной безопасности

(председатель – городской голова Н.Г. Дидрихсон, товарищи – юрист меньшевик В.М. Краснов и нотариус, председатель Ставропольского отделения Союза земств и городов В.И. Манжос-Белый). В новоизбранный КОБ вошли 8 представителей от районных попечительств, 6 – от гарнизона, 6 – от духовенства, 3 редактора газет, а также представители адвокатуры, окружного суда, банков, сельскохозяйственного общества, союза учителей, мещанского общества и т.д., всего – 57 человек [2]. Были выделены секции: продовольственная, организационно-распорядительная, лекционная, по оказанию помощи призванным в армию и жертвам войны, необходимых преобразований и отдел печати [3].

Уже 6 марта губернатор и вице-губернатор сложили свои полномочия, и к самопровозглашенному комитету общественной безопасности, опиравшемуся на ценовые городскую думу и губернскую земскую управу, в которых доминировали представители землевладельцев, буржуазных слоев населения губернии и либеральной интеллигенции, перешла де-факто вся полнота власти в губернии [4]. 12 марта губернская земская управа по согласованию с комитетом общественной безопасности назначила губернским комиссаром (к нему переходили полномочия губернатора) видного общественного деятеля, депутата IV Государственной Думы от Ставропольской губернии, трудовика Д.Д. Старлычанова, прибывшего в Ставрополь на следующий день. Т.о., губернию возглавил избранный, а не назначенный сверху комиссар. Тем не менее, 26 марта Временное правительство предприняло попытку снять с должности выборного комиссара и только с помощью ставропольской общественности, исходатайствовавшей об утверждении его главой губернии, Д.Д. Старлычанов смог сохранить свой пост, однако, в свою очередь, в дальнейшем он вынужден был все свои решения согласовывать с комитетом общественной безопасности.

Так, уже 15 марта комитет на общем собрании вынес решение о том, что высшим исполнительно-распорядительным органом власти на Ставрополье являются губернский комиссар вместе с комитетом общественной безопасности [5]. 20 марта в состав КОБа было включено 10 представителей Совета рабочих депутатов и 16 – Совета солдатских депутатов, возникших в первой декаде марта, что расширило его социальную базу и позволило установить партнерские отношения с представительными органами солдат и рабочих.

12–14 марта 1917 г. Ставропольская губернская земская управа, принимавшая активное участие в создании городского комитета общественной безопасности, приняла решение «сформировать уездные и волостные Комитеты общественной безопасности с привлечением в них крестьян». В состав уездных КОБов входили: председатель и члены уездной земской управы, три земских служащих, три гласных уездного земского собрания, четверо выборных от всех волостных сходов, а также представители местного духовенства, врачей, учителей управления воинского начальника, кредитных учреждений, печати, биржевого комитета. Волостной КОБ включал представителей от крестьян (один делегат от 1000 человек), двух – от учителей, по одному – от кредитных кооперативов, сельских банков, потребительских кооперативов, рабочих и торговых служащих, врачей, почтовой конторы и духовенства [6]. В результате крестьяне, которые абсолютно преобладали в губернии, оказывались в органах местной власти в меньшинстве, а большинство мест получали представители местной интеллигенции и земские деятели.

25 марта было обнародовано «Положение о губернском, уездных и волостных комитетах», Ставропольский КОБ преобразовывался в общегубернский, его задачами являлись: укрепление нового строя на местах, содействие в подготовке к выборам в Учредительное собрание, охрана правопорядка, организация милиции, решение хозяйственного, продовольственного и иных вопросов. В обязанности местных комитетов входили: укрепление гражданских свобод и основ демократической власти, содействие в подготовке к выборам Учредительного собрания, поддержание правопорядка, решение насущных местных задач [7]. К концу марта были сформированы все уездные комитеты общественной безопасности, на протяжении апреля – волостные. Впоследствии в селах также стали создаваться комитеты общественной безопасности, при этом, в отличие от уездов и волостей, на местах крестьяне стремились поставить их под свой контроль и ограничить представительство других сословий.

В районах, населенных национальными меньшинствами, протекали соответствующие процессы, хотя и с некоторой задержкой во времени. 2 апреля был сформирован

Большедербетовский улусный комитет общественной безопасности, в состав которого вошли 19 калмыков и 3 русских. 5 апреля возник Ногайский Ачикулакский народный исполком, который выразил поддержку Временному правительству [8], чуть позже – Туркменский Терекли-Мектебский исполнительный комитет.

С юридической точки зрения, эти комитеты общественной безопасности не имели права присваивать себе полномочия органов государственной власти, их правовой статус не был закреплен в официальных документах и не имел подтверждения со стороны Временного правительства. Тем не менее, весной 1917 г. именно эти организации сконцентрировали в своих руках всю власть в регионе. С чем это было связано? Во-первых, с политической пассивностью подавляющего населения жителей губернии, которые в этот период времени не принимали участия в политической борьбе, признав де-факто легитимность комитетов общественной безопасности. Во-вторых, со слабостью Временного правительства, не имевшего в это время действенных рычагов влияния на процессы, происходившие на окраинах страны и вынужденного мириться с существованием подобных стихийно возникших организаций. Что же касается губернского комиссара Д.Д. Старлычанова, который должен был представлять интересы центрального правительства, то он, а также назначенные им уездные комиссары, находились в сильной зависимости от самопровозглашенных комитетов и вынуждены были согласовывать с ними все свои решения.

В-третьих, руководство КОБов проявляло большую агитационно-пропагандистскую активность, высказываясь в поддержку Февральской революции, Временного правительства и изображая себя в качестве поборника и защитника демократических «завоеваний революции». При этом демократичность самих комитетов общественной безопасности вызывала серьезные сомнения, т.к., в их формировании участвовало лишь политически активное либеральное меньшинство населения губернии, а население в конечном итоге оказалось просто поставлено перед фактом смены власти.

Однако летом 1917 г. положение начинает изменяться, и комитеты общественной безопасности начинают утрачивать монополию на власть. 6 августа 1917 г. в двух городах Ставропольской губернии – Ставрополе и Святом Кресте состоялись выборы в городские думы, которые, согласно постановлению Временного правительства, были всеобщими, равными, прямыми и тайными. В губернском центре победу одержал социалистический блок. В новую думу вошли 15 эсеров, 14 меньшевиков, 13 народных социалистов, 6 кадетов, 21 беспартийный. Председателем городской управы был избран меньшевик В.М. Краснов [9]. На выборах в Святом Кресте социалисты, выступавшие вместе с Советом крестьянских депутатов, сумели завоевать почти половину всех мест. Одновременно должны были состояться и пере выборы губернского и уездных земств на новых основаниях.

Кроме того, в деревне начинает постепенно возрастать роль Советов крестьянских депутатов, возникавших начиная с конца весны 1917 г., но первоначально находившихся в тени КОБов. Активизация их деятельности была связана с отказом Временного правительства и губернских властей решить главный вопрос – аграрный до открытия Учредительного Собрания. Крестьяне начинают захватывать помещичьи усадьбы и земли. Кроме того, недовольство ставропольских крестьян вызывал тот факт, что в уездных и волостных комитетах общественной безопасности доминировали представители других социальных групп, а они были в меньшинстве. В конце августа губернский комиссар с тревогой сообщал в штаб Кавказского военного округа, что «многие сельские сходы до того обнаглели, что не стесняются открыто заявлять о ненужности Временного правительства. Распад власти в селах дошел до крайнего предела, за которым начинается «анархия» в самом грозном смысле этого слова» [10]. В противовес волостным земствам и комитетам общественной безопасности крестьяне начинают поддерживать Советы. Уездные Советы крестьянских депутатов, в которых доминировали эсеры, превращаются в реальную силу, способную оказывать влияние на развитие политического процесса в крае. Советы были настроены более радикально по сравнению с земствами и КОБами, отстаивая, прежде всего, интересы крестьян.

К октябрю комитеты общественной безопасности потеряли влияние. С одной стороны, в городах функционировали думы, на местах – земские собрания и управы, впервые избранные путем всеобщего голосования на демократических началах, чего нельзя было

сказать о самих КОБах, которые были сформированы не на прямых выборах, а путем делегирования представителей от различных организаций и учреждений. Во-вторых, комитеты общественной безопасности оказались не в состоянии решить аграрный и продовольственный вопросы, наладить снабжение крестьян предметами первой необходимости, добиться подъема уровня жизни. Безусловно, располагая весьма ограниченными средствами, они объективно не могли этого сделать, однако чем большие надежды возлагались на эти органы в первые месяцы после победы революции, тем сильнее было разочарование народных масс, которые стали отворачиваться от них и искать им альтернативу. В-третьих, комитеты, будучи созданными «снизу» по инициативе общественности, так и не смогли получить признания и регулярного финансирования со стороны Временного правительства, которое рассматривало их в качестве потенциальных конкурентов и старалось ограничить их власть и влияние.

По мере того, как комитеты общественной безопасности утрачивали влияние, губернский комиссариат начинает от них дистанцироваться. Наконец, 13 октября губернский комиссар Д.Д. Старлычанов отдал распоряжение о передаче всего имущества и делопроизводства КОБов уездным и волостным земским управам, а также городским думам и управам. Губернский КОБ, уступив свои полномочия губернской земской управе, был преобразован в Ставропольский губернский комитет общественных организаций, утратив политическую власть [11].

Однако в условиях роста аграрного движения ставропольских крестьян положение самого губернского комиссара, олицетворявшего власть Временного правительства, нельзя было назвать особенно прочным. Известие о победе Октябрьской революции в Петрограде и Москве было негативно воспринято ставропольской политической элитой. 28 октября Ставропольская городская дума, собравшись на чрезвычайное заседание, единогласно осудила вооруженное выступление левых радикалов в столице и декларировала, что единственным полномочным центральным органом власти впредь до созыва Учредительного Собрания остается Временное правительство А.Ф. Керенского [12]. 7 ноября дума единственно объявила себя единственным законным представителем населения в городе. Губернский комиссариат, возглавляемый Д.Д. Старлычановым и опиравшийся на земские учреждения, в которых доминировали кадеты, эсеры и меньшевики, отказался признавать Совет Народных Комиссаров в качестве легитимного органа власти и продолжал управлять губернией. Местные большевики были слишком малочисленны и слабы для того, чтобы предпринять попытку вооруженного захвата власти, однако их авторитет в массах рос с каждой неделей, главным образом, благодаря тому, что они выступали за немедленный мир и земельный передел в интересах трудового крестьянства, не дожидаясь открытия Учредительного Собрания.

Разочаровавшись в органах государственной власти, действовавших от имени Временного правительства, крестьяне начинают возлагать свои упования на создаваемые «снизу» Советы крестьянских депутатов, которые рассматривались ими как органы «мужичьей», народной власти, способные удовлетворить нужды земледельцев. Явочным порядком крестьянские сходы выносят приговоры о переходе власти к Советам. Положение губернского комиссариата осложнялось также тем, что в его распоряжении почти не осталось надежных войск, т.к. солдаты открыто требовали мира и демобилизации, многие из них симпатизировали большевикам.

3 декабря на совместном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов с представителями гарнизона было принято решение о созыве общегубернского совещания, которое должно было принять решение относительно дальнейшего будущего Ставрополя и создать постоянно действующие органы региональной власти [13]. В сложившейся ситуации ни городская дума, ни губернский комиссариат не могли выступить против этого решения, ибо сил для противоборства с Советами у них уже не было. 8 декабря губернский комиссар Д.Д. Старлычанов возглавил комиссию по созыву губернского народного совещания, которая 10 декабря приняла постановление о порядке выборов делегатов на совещание. Депутаты избирались от губернского земского собрания (64 человека), городских дум Ставрополя и Святого Креста (13 человек), волостных земств (168 человек), уездных Советов крестьянских депутатов (10 человек), Совета рабочих и солдатских депутатов (20 человек), Бюро профсоюзов (10 человек), а также по одному представителю от школьного союза,

Совета духовенства, почты, губернского комиссариата, казенной палаты, контрольной палаты, Государственного банка, частных банков, биржевого общества и союза правительственных служащих [14]. Цель заключалась в том, чтобы уменьшить представительство крестьян и рабочих, настроенных радикально и добиться преобладания среди делегатов совещания крупных землевладельцев, торгово-промышленной буржуазии и представителей средних городских слоев и интеллигенции.

Однако осуществить это намерение оказалось невозможно. 25 декабря под давлением большевиков, на сторону которых перешел 111-й пехотный полк, что резко изменило расстановку сил в городе, комиссия по созыву губернского народного собрания вынуждена была допустить к участию в его работе делегатов от сельских сходов. Это резко меняло все положение дел, т.к. теперь в нем доминировало бы крестьянство, которое к концу декабря было настроено радикально и в массе своей поддерживало идею о передаче власти Советам.

29 декабря начал свою работу IV губернский крестьянский съезд, большинство делегатов которого составляли сторонники Советской власти. 30 декабря большинством голосов было принято решение «всю власть в губернии передать Советам крестьянских и рабочих депутатов с защитой этого права с оружием в руках». 31 декабря делегаты приняли резолюцию, в которой подчеркивалось, что «Ставропольская губерния тесно и неразрывно связана лишь с Советской властью, как властью, выражающей интересы трудового народа». Статья 8 резолюции провозгласила переход всей полноты власти к Советам, в подчинение которым передавались «все учреждения, как хозяйственные, так и административные». По всей губернии было решено провести пере выборы Советов всех уровней и навсегда упразднить земство. Кроме того, собравшиеся приняли единогласное решение об участии всех делегатов крестьянского съезда в работе открывавшегося в 20.00 губернского народного собрания, что обеспечивало большевикам и их союзникам большинство мест.

Несмотря на попытки протеста со стороны городской думы, губернского комиссариата и ряда общественных организаций, IV губернский крестьянский съезд в полном составе принял участие в работе совещания, что предопределило сокрушительное поражение либералов и умеренных социалистов. Ровно в полночь 31 декабря 1917 г. большинством голосов был принят «Декрет о Народной власти в Ставрополе и в губернии», который провозгласил переход всей полноты власти в руки Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Была признана власть ВЦИК и СНК как носителей высшей правительственной власти на территории России, и, в частности, на Ставрополье.

В губернии высшим органом законодательной власти было признано общее собрание губернных Советов, в работе которого принимали участие 130 представителей губернского Совета крестьянских депутатов, 30 человек – от Совета солдатских депутатов и 20 – от Совета рабочих депутатов, а в перерывах между его сессиями – губернский исполнительный комитет составе 30 человек. ИК формировал высший орган исполнительной власти в крае – Совет Народных Комиссаров, назначал и смещал с должности губернных народных комиссаров. К председателю СНК переходили функции губернского комиссара Временного правительства [15].

Съезд завершил свою работу утром 1 января 1918 г., избрав новые органы губернской власти. Президиум исполнительного комитета возглавил эсер-максималист Г.И. Мещеряков, председателем Совета Народных Комиссаров Ставропольской губернии был утвержден большевик А.А. Пономарев. 9 января 1918 г. бывший губернский комиссар Временного правительства Д.Д. Старлычанов признал решения народного собрания и передал власть А.А. Пономареву. Губернский комиссариат был распущен [16]. На Ставрополье установилась Советская власть.

Результаты

Весной 1917 г., после свержения монархии, в Ставропольской губернии началось создание новых, революционных органов власти. Инициатором преобразований выступили лидеры земского и городского самоуправления, а также общественных организаций Ставрополя, придерживавшиеся либеральных взглядов и выражавшие интересы средних слоев губернии. Именно они возглавили губернский, уездные и волостные комитеты общественной безопасности, представлявшие собой новый тип властных институтов, появление которых стало возможным в результате Февральской революции, которая

привела к временному «вакууму власти» на окраинах государства и позволила относительно немногочисленным либералам взять власть. С новыми органами власти был вынужден считаться и выборный губернский комиссар, полномочия которого, по сравнению с полномочиями дореволюционного губернатора, были сильно ограничены. Не стали реальной властью на местах и уездные правительственные комиссариаты, что свидетельствовало об общем кризисе чиновничье-бюрократической системы в регионе.

Летом-осенью 1917 г. в Ставропольской губернии началась коренная демократизация политической системы, что проявилось в проведении первых всеобщих демократических выборов в городские думы и земства. Именно на эти институты местного самоуправления и стали опорой губернского комиссариата, что позволило ему к середине октября 1917 г. отеснить от рычагов власти соперничавшие с ним комитеты общественной безопасности и добиться их упразднения. В то же время отказ от проведения коренных социальных преобразований в интересах трудящихся масс и, прежде всего, нежелание решать аграрный вопрос до созыва Учредительного Собрания, приводят к падению популярности органов власти Временного правительства в крестьянской среде и усилению влияния Советов крестьянских депутатов, в которых начинают преобладать левые социалисты, а среди солдат, жаждавших мира и городских трудящихся – Советов рабочих и солдатских депутатов, в которых доминировали большевики. Рост популярности левых позволил им добиться преобладания на губернском народном совещании, открывшемся в конце декабря 1917 г. и мирным путем добиться перехода власти к Советам.

Заключение

На протяжении 1917 г. политическая система в Ставропольской губернии претерпела значительную эволюцию, пройдя в своем развитии три этапа. Первый (март – август 1917 г.) характеризовался ликвидацией дореволюционных властных институтов и замену их самопровозглашенными комитетами общественной безопасности, выражавшими интересы либерального дворянства, буржуазии и интеллигенции. На протяжении второго этапа (август – октябрь 1917 г.) происходит укрепление позиций органов власти Временного правительства в лице губернского и уездных комиссариатов, которые опирались на выборные органы местного самоуправления. На третьем этапе (ноябрь – декабрь 1917 г.) начинается переход власти на местах в руки возглавляемых левыми социалистами Советов крестьянских депутатов, завершившийся 31 декабря 1917 г. установлением в Ставропольской губернии советской власти, решающую роль в которой (в отличие от центральных губерний) сыграли не малочисленные на Ставрополье рабочие, а крестьянство, заинтересованное в проведении земельного передела.

Примечания:

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. (Губернские итоги). Т.51-89. С.-Петербург: 1903-1905.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3 об.
3. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 2. Л. 60-66.
4. ГАСК. Ф. Р-1867. Оп. 1. Д. 1. Л. 163.
5. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8 об.
6. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5. Л. 10-11.
7. Ставропольские губернские ведомости. 1917. 25 марта.
8. Известия Ставропольского губернского Комитета общественной безопасности. 1917. 20 апреля.
9. ГАРФ. Ф. Р-1791. Оп. 6. Д. 416. Л. 227.
10. ГАСК. Ф. Р-1867. Оп. 1. Д. 1. Л. 257 – 258.
11. *Филатова Ж.В.* Трансформация органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области: март 1917 – март 1918 гг.: Дисс... кандидата исторических наук. Пятигорск, 2009. С. 147.
12. Северокавказское слово. 1917. 31 октября.

13. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2952. Л. 77-77 об.
14. Головенченко Ф. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1927. С. 77.
15. Головенченко Ф. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1927. С. 95.
16. Головенченко Ф. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1927. С. 96.

References:

1. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Tablitsa XIII. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku. (Gubernskie itogi). T.51-89. S.-Peterburg: 1903-1905.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia (dalee – GASK). F. R-1658. Op. 1. D. 2. L. 2-3 об.
3. GASK. F. R-1658. Op. 1. D. 2. L. 60-66.
4. GASK. F. R-1867. Op. 1. D. 1. L. 163.
5. GASK. F. R-1658. Op. 1. D. 5. L. 7-8 об.
6. GASK. F. R-1658. Op. 1. D. 5. L. 10-11.
7. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1917. 25 marta.
8. Izvestiya Stavropol'skogo gubernskogo Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti. 1917. 20 aprelya.
9. GARF. F. R-1791. Op. 6. D. 416. L. 227.
10. GASK. F. R-1867. Op. 1. D. 1. L. 257 – 258.
11. Filatova Zh.V. Transformatsiya organov mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Stavropol'skoi gubernii i Terskoi oblasti: mart 1917 - mart 1918 gg.: Diss... kandidata istoricheskikh nauk. Pyatigorsk, 2009. S. 147.
12. Severokavkazskoe slovo. 1917. 31 oktyabrya.
13. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2952. Л. 77-77 об.
14. Golovenchenko F. 1917 god v Stavropol'skoi gubernii. Stavropol', 1927. S. 77.
15. Golovenchenko F. 1917 god v Stavropol'skoi gubernii. Stavropol', 1927. S. 95.
16. Golovenchenko F. 1917 god v Stavropol'skoi gubernii. Stavropol', 1927. S. 96.

УДК 94(470)"19/..."

Эволюция политической системы в Ставропольской губернии в 1917 году

Сергей Александрович Орешин

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
Аспирант
E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформации системы государственного управления в Ставропольской губернии после победы Февральской революции 1917 года, становлению и эволюции послереволюционных органов государственной власти. На основе архивных материалов и публикаций прессы раскрывается процесс создания новых властных институтов, анализируется их социальный состав и взаимоотношения друг с другом. Особое внимание уделяется деятельности комитетов общественной безопасности – органов самоуправления, созданных либеральной общественностью весной 1917 г. и претендовавших на руководство регионом, их функционированию в губернии параллельно с органами власти Временного правительства. Автор приходит к выводу, что непоследовательность новых органов власти, отказ от проведения социальных реформ в интересах крестьянства привели к радикализации последнего, что способствовало торжеству сторонников Советской власти в губернии в конце декабря 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция; Ставропольская губерния; национально-государственное строительство; комитеты общественной безопасности; Ставропольский губернский комиссариат; Советы крестьянских депутатов.